

За пару недель до развязки, в теплый августовский денек, я заглянул в 31-й лицей. В приемной директора в левом углу сидела незнакомая мне дама, видимо, временно замещавшая Антонину Иванову. Узнав, что хозяин на месте, я прошел в кабинет и с порога уперся взглядом в его портрет в черной рамке, стоящий на приставном столике около тарелки с карамелью и шахматными фигурками. Попов сидел у окна с книгой ровно в той позе, что и на портрете. Он кивнул на фото: «Тебе».

Я почему-то заволновался и не мог отвести взгляда от фотографии. Поговорили, попрощались, я забежал домой, оставил подарок на столе в гостиной и отправился в «Каменный пояс» на Кировку. Около «Сферы любви» встретил сына, шедшего домой. А вскоре он мне позвонил, явно встревоженный: «Папа, что случилось с Поповым?..» До меня не сразу дошло, что он увидел ту самую фотографию в черной рамке.

В пятницу 29 августа, в день приговора по делу «Взятке», когда я лихорадочно соображал: какой костюм надеть – черный или светло-серый, ровно в 8.00 неожиданно позвонил Попов: «Я всю ночь у твоего подъезда на лавочке просидел, пошли в суд!» – «Иди сам, я еще провожусь минут десять, ты потом за мной не угонишься». Да, за 24 заседания по взятке я припрорвался добежать до Центрального районного суда минут за десять. Почти столько же состоялось и по делу «В пощечине» в мировом суде, куда мне еще ближе, – время на дорогу было выверено.

Но костюм я надевал впервые: Попов в понедельник после прений предложил одеться поостроже – приговор все-таки. Я выбрал светлый костюм, черную рубашку, закинул в пакет несколько своих журналов и книжек для адвокатов, включая I том истории южноуральского дзюдо «Победа любит нас». Эту книгу мне удалось издать за неделю до чемпионата мира, и она уже продавалась аж за две тысячи в Парке дзюдо у арены «Трактор».

Когда я добрался, возле крыльца стояли адвокаты и Попов, который выглядел веселым и попытался пошутить над тем, что я так вырядился, – а сам был в привычной рубашке и ветровке. Я его осадил: мол, не вижу повода для веселья. Адвокат Полякова согласилась – состояние было тревожное. В 8.30 мы зашли в зал заседаний, где ждали журналисты и несколько наших сторонников. Я напрягся: нам с марта удавалось избегать внимания прессы и прочих любопытных. Уже привыкли к одним лицам: судья, секретарь суда, прокурор, потерпевший, адвокаты, мы с подсудимым – и какле-то свидетели с обеих сторон.

Попов был раскован и избыточно прост. Он громко предупредил телеоператора, чтобы тот не сел на скамью потерпевшего: «Не садись там – терпкой станешь!». Меня передернуло, Полякова тоже возмутилась поведением подзащитного. Вдруг он повернулся ко мне: «Ты принес новую книжку?» – «Да, подарю всем после приговора». – «Нет, мне дай сейчас». – «Сейчас?» – я достал том. Слева сидел отец ученика 31-го лицея. Он заинтересовался книгой, Попов в ответ: «Хочешь? Покупаю!» – «За сколько?» – «Двести!» – «Хорошо, беру». Я едва выдохнул: «Ты что?» – «А у меня вчера был педсовет, я немного поиздержался», – спокойно ответил подсудимый.

И тут прозвучали такие привычные слова – «Встать, Суд идет!»

Это был 505-й день «дела Попова»...

